

Имя автора конкурсной подборки будет оглашено в Итоговом протоколе Международного литературного конкурса "9-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2020" 6 июня 2020 года в 23:59 по Москве.

Под Бугульмой

Закрой глаза. Однажды будет встреча
в каком-нибудь кафе под Бугульмой,
где пресная баранина и гречка,
заправлены остывшей тишиной,
где публика до мая разлетелась,
сквозняк и пыль пасутся у двери.
Мы снимем медовухой онемелость,
и всяких пустяков наговорим,
чтоб жизнь глядела весело и пьяно,
и сдержанность была неумоготу.
А месяц вынет ножик из кармана,
ломтями накроет темноту.
Нас вынесет на улицу к воротам,
к мангалу, где дымок нетороплив,

где мы сойдём с ума бесповоротно,
друг друга в этом месте застолбив,
чтоб сутки бредить в местном пансионе,
дразнить судьбу, вытряхивать суму,
любить взахлёб, очнуться, и спросонья
не вспомнить ни себя, ни Бугульму.

За десять дней до свадьбы

За десять дней до свадьбы он сказал:
«Я не готов».
И крыть мне было нечем.
Рубцом белела в небе полоса –
гудящий лайнер небо изувечил.
Я плакала у старых тополей
во дворике, в субботней дребедени,
где, путаясь в развешенном белье,
расхаживали люди-привиденья.
Какой-то дед – поддатый старый чёрт
сипел: «Не хнычь. Мы тонем там, где мелко.
Беда твоя, как молодость, пройдёт,
пей залпом жизнь... И дай на опохмелку».
Горланила старуха: «Лысый хрен,
не лезь до баб – чужая хата с краю».

Здесь не было годами перемен,
поскольку перемены всех пугают.
И я клялась забить на мужиков,
да ну их на, от них сплошное горе.
Шумели птицы, тени облаков
висели, как циновки, на заборе.

...Я шла домой, глотнув такую муть,
что бил озноб, до жара пробирая.
И так хотелось вечер обогнуть
с безлюдного нехоженого края,
упасть в траву, не думать, не спешить,
смотреть, как в паутине муха бьётся,
летит оса и тащат мураши
в чужую даль расколотое солнце.

В больничной клетке

В больничной клетке ветер дул из окон,
покуда пеленая солнце в кокон,
январский полдень плыл, не торопясь.

Хромая санитарка из Тамбова
ломала тишину ядрёным словом,
и тряпкой по углам гоняла грязь.
Я думала: «Прорвёмся – выпал повод.
Вот только б не вошёл в палаты холод,
и врач не нашаманил нам беды.
Вот только б не просили больше денег.
А жить начнём, Алёшка, в понедельник,
когда уйдём из горестной среды».

Здесь веяло то плесенью, то скукой.
Я шла из гардероба, мыла руки.
Вот мёд, вот сыр, с ним запах костромской.
И выстрелом казался голос рядом:
«Не нужно, мама, стены мерить взглядом.
Не нужно здесь сидеть. Иди домой».
И было горько, было больно снова.

Мне снилась санитарка из Тамбова.
Она смотрела гневно в пустоту.
Я ей кричала вслед: «Пойми, сестрица,
пройдёт и это. Жизнь нам только снится».
...И просыпалась с криками в поту.

